

Елизавета Бобровская

ВНЕИ

И певчая
птица

Елизавета Бобровская

Змей и певчая птица

«Автор»

2026

Бобровская Е. А.

Змей и певчая птица / Е. А. Бобровская — «Автор», 2026

Он последний страж погибшей расы, видящий в каждом человеке врага. Она его пленница, видящая в нём одинокую душу. В замке, где стены помнят лишь боль, рождается хрупкое доверие, которому предстоит выдержать испытание извне. Смогут ли они вдвоём противостоять страху и жадности целого мира и доказать, что даже самая древняя ненависть может быть побеждена любовью?

© Бобровская Е. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елизавета Бобровская

Змей и певчая птица

Глава 1

Шепот льдов и упрямство сердца

«Новые сказки рождаются, когда перестают бояться старых.»

Городок у подножия, казалось, не жил, а цеплялся за жизнь. Он ютился в тени исполинской Ледяной Горы, чья вершина, укутанная в свинцовые, вечно клубящиеся облака, терялась где-то за пределами человеческого взора. Воздух здесь всегда был холодным и острым, пахнувшим хвоей, остывшим пеплом очагов и невысказанным страхом. Дома, срубленные из темной, смолистой ели, плотно жались друг к другу, словно пытаясь согреться, их низкие крыши отягощены слоями тяжелого, нетронутого снега. Жизнь здесь текла медленно, подчиняясь суровым законам выживания, и каждое утро начиналось с одного и того же – с трепетного взгляда на ту самую Гору.

На Горе, в самых облаках, парил замок. Он был так высоко, что казался не творением рук, а причудливым сгустком самого льда и света, неестественным наростом на скале. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь плотную пелену туч, заставляли его сиять холодным, неприступным сапфировым сиянием. Замок Правителя. Замок Змея.

Элира стояла на пороге маленькой, насквозь пропитанной запахом старой бумаги и кожи библиотеки, в которой работала помощницей, и смотрела вверх. Ее большие зеленые глаза, были полны не страха, а неукротимого, назойливого любопытства. Из-под простого шерстяного капюшона выбивались непослушные черные кудри, похожие на завитки самой тьмы. Она слышала, как по скрипучему насту главной улицы торопливо проходят соседи, спеша по своим делам, пока короткий зимний день еще не угас. Их разговоры были отрывистыми шепотками, и в них сквозила одна и та же нота — боязливая покорность.

– ...снегопад обещают к ночи, надо успеть дров нарубить, а то вдруг Змей разозлится, непогоду нашлет...

– ...Марнигова овца пропала, наверное, к горе слишком близко подошла, если бы не вечный снег, если бы не его вечное плохое настроение...

– ...молчи ты, не ровен час, услышит...

«Он». Всегда – «он». Ни имени, ни титула. Просто – Змей. Жестокий, бессердечный властелин, чей истинный облик не видел никто из ныне живущих. Говорили, что он покрыт чешуей, как гадюка, что у него желтые глаза с вертикальными зрачками и клыки, с которых капает яд. Говорили, что он питается страхом и что ледяной ветер, вывший по ночам в щелях между домами – это его дыхание.

Элира вздохнула, и ее дыхание превратилось в маленькое облачко пара. Она потянулась рукой в кожаный мешочек у пояса и коснулась пальцами старой, истертой по краям книги. «Баллады о нагах». Ее самая большая ценность. В ней были стихи, легенды, поэмы о существах, которых никто не видел уже четыре сотни лет. О нагах.

Мудрые, прекрасные, полубоги-полузмеи. Хранители знаний, владеющие магией земли и неба. Их кровь, как гласили предания, могла исцелить любую болезнь и даровать долголетие. И люди, ослепленные жадностью, устроили на них Великую Охоту. Истребили, словно животных. Элира с детства зачитывалась этими историями. Для нее наги не были чудовищами. Они были трагедией. Символом утраченной красоты и мудрости.

И теперь, слушая эти жалкие шепоты о «Змее», она не могла поверить, что в том сияющем замке обитает бессердечное чудовище. Логика, простая и непреложная, отказывалась мириться с этим. Если он такой могущественный и жестокий, почему он просто не уничтожит городок, который явно его ненавидит? Почему никто не видел его армий, его прислужников? Почему оттуда не доносится ни зловещих барабанов, ни криков жертв? Только тишина. Гнетущая, многолетняя, ледяная тишина.

«Он просто одинок» – подумала Элира, и эта мысль показалась ей не наивной, а единственно верной. Что, если вся эта жестокость – лишь панцирь? Что, если «Змей» – это последний из нагов, прячущийся от мира, который когда-то предал его род?

Решение созрело в ней внезапно, как вспышка молнии в ночном небе. Оно было безрассудным, опасным, безумным. Но оно было единственным, что могло развеять этот удушающий туман лжи.

Вечером, в крошечной горнице над библиотекой, которую она называла домом, Элира начала готовиться. Она надела два слоя теплых шерстяных чулок, плотные штаны, теплую рубаху и толстый свитер. Сверху – прочный, простеганный, отороченный мехом плащ, подарок старого библиотекаря, который давно уже ушел в мир иной. В дорожную сумку она положила краюху черного хлеба и маленький, но острый охотничий нож. И, конечно, ту самую книгу. Она была ее талисманом.

Взяв сумку, она уже собиралась выйти, когда ее взгляд упал на маленькое потрескавшееся зеркальце. В нем отразилась хрупкая девушка с бледным, испуганным, но невероятно решительным лицом.

– Я делаю это не только для себя. – сказала она своему отражению. – Я делаю это для всех. Чтобы мы перестали бояться того чего возможно и нет вовсе.

Она задула свечу и бесшумно, как тень, выскользнула на улицу. Ночь была безлунной, но звезды сияли с ледяным, неумолимым блеском, освещая путь. Деревянные мостки под ее ногами тихо поскрипывали. Она обошла спящие дома и вышла на заснеженную тропу, что вела к подножию Горы.

Дорога заняла несколько часов. С каждым шагом воздух становился все холоднее и разреженнее. Снег скрипел под ее сапогами, а ветер, сначала едва заметный, теперь завывал настоящим волком, рвясь под полы плаща и заставляя ее щеки гореть. Элира шла, уткнув взгляд в замёрзшую землю под ногами, борясь с накаывающей паникой. Что, если она ошибается? Что, если слухи правдивы, и она, глупая девочка, сама лезет в пасть к монстру?

Но она вспоминала строчки из баллад: «И взгляд его, полный скорби вековой, пронзал душу, как лезвие изо льда...» Нет. Она должна верить.

Наконец, она достигла подножия. Скальная порода, черная и скользкая, была покрыта толстым слоем намерзшего льда, отливавшего в темноте синевой. И тут она увидела его. Вход. Не ворота, не подъемный мост, а просто черный провал в теле горы, похожий на открытую пасть. Из него веяло таким холодом, что у Элиры перехватило дыхание. Это был не зимний холод, а нечто иное – древнее, безжизненное, магическое.

Сердце ее бешено заколотилось, требуя отступить, вернуться к теплу очага и привычному страху. Но она сделала глубокий вдох, запахнула плащ туже и переступила черту, отделяющую знакомый мир от мира легенд.

Тишина внутри была абсолютной. Она поглощала звук ее шагов, ее дыхания. Свет снаружи едва проникал внутрь, и через несколько метров Элира оказалась в полной темноте. Дрожащими руками она достала из сумки заранее приготовленный смоляной факел и с помощью огня, на которое ушло несколько тщетных попыток, наконец, зажгла его.

Оранжевый свет заплесал на стенах, и у нее вырвался сдавленный возглас. Это был не просто тоннель. Это был лабиринт. Стены, пол, потолок — все было выточено из идеально гладкого, прозрачного льда. Они искрились и переливались, отражая пламя факела в тысячах

граней, создавая причудливые, движущиеся узоры. Это было ослепительно красиво и ужасно. Бесконечные коридоры расходились в разные стороны, теряясь в темноте. Отражения множились, создавая иллюзию бесчисленных Элир, блуждающих в хрустальной ловушке.

– Не паникуй. – приказала она себе. – Просто иди прямо.

Она пошла, стараясь выбирать самый широкий и, как ей казалось, прямой проход. Но через время она поняла, что заблудилась. Все коридоры были одинаковыми. Ледяные стены искажали пространство, звук и перспективу. Она пыталась оставлять зарубки ножом, но лед был на удивление прочным, и на нем оставались лишь едва заметные царапины.

Время потеряло смысл. Факел начал догорать, угрожая погрузить ее в кромешную тьму. Отчаяние, холодное и липкое, подбиралось к ее горлу. Она начала бежать, уже не разбирая пути, ее сапоги скользили по идеально гладкому льду.

И тогда это случилось. Резкий поворот, нога на мгновение потеряла опору, она попыталась удержаться, но не смогла. С коротким вскриком она упала, и острая, жгучая боль пронзила ее лодыжку. Маленький факел вылетел из ее руки и с шипением погас.

Тишина и мрак сомкнулись над ней. Боль в ноге была невыносимой. Она поняла, что не сможет идти. Она была одна, в самом сердце ледяной горы, и никто в мире не знал, где ее искать. Слезы, горячие и горькие, покатались по ее щекам и тут же замерзли.

– Помогите! – крикнула она из последних сил, но ее голос был жалким, бессильным писком, поглощенным безразличным льдом.

Она прижалась спиной к холодной стене, сжимая в белых от холода пальцах рукоять ножа. Это была бесполезная, но последняя попытка защититься. Теперь она верила в монстра. Она верила, что он придет и заберет ее. И это будет заслуженной карой за ее глупое любопытство.

Именно в этот момент, когда она уже почти смирилась со своей судьбой, из темноты прямо перед ней возникла тень. Высокая, величественная, безмолвная. Она была чернее самой ночи. Элира замерла, не в силах пошевелиться, ее сердце застыло в груди.

Тень сделала шаг вперед, и свет от далеких, мерцающих в толще льда минералов упал на нее.

Это был мужчина. Его лицо было высечено из самого белого мрамора, с резкими, неземными, красивыми чертами: высокими скулами, строгим ртом и властным подбородком. Длинные, иссиня-черные волосы, прямые как шелковые нити, спадали ему на спину, сливаясь с черной тканью его одежд. Но больше всего Элиру поразили его глаза. Они горели холодным, пронзительным сапфировым светом. И его зрачки были не круглыми, а вертикальными, как у хищной кошки. Или змеи.

Он не говорил ни слова, просто стоял и смотрел на нее. Его взгляд был тяжелым, изучающим, лишенным всякой человечности. В нем не было ни гнева, ни удивления. Лишь ледяное, всеобъемлющее безразличие.

Страх парализовал Элиру. Все слухи, все страшные сказки оказались правдой. Перед ней стояло порождение ночи, владыка этого ледяного ада.

И все же... все же в этой красоте не было ничего уродливого, ничего отталкивающего. Это была красота ледника, обрушивающегося в море, или вулкана, извергающего пепел – смертельная, неумолимая, но от этого не менее величественная.

– Кто ты? – прошептала она, и ее голос дрожал от боли, холода и ужаса.

Мужчина медленно, почти невесомо скользнул вперед. Теперь она разглядела, что его одежда была не просто черной, а сшитой из какой-то плотной, матовой ткани, поглощающей свет, и напоминала скорее доспехи без лат. Его губы приоткрылись.

Голос, который прозвучал, был низким, бархатным и таким же холодным, как стены вокруг. В нем не было ни капли тепла или сочувствия. Он был тихим, но он пронизывал насквозь, впитываясь в кости, в душу.

– Страж этого места. – произнес он, и каждое слово падало, как ледяная глыба. – А ты, дитя людей, нарушила мой покой.

Глава 2

Бремя Легенды

«Иногда нужно показать клыки, чтобы все увидели улыбку.»

Тишина, последовавшая за его словами, была гуще и тяжелее мрака, окружавшего их. Она длилась всего несколько секунд, но для Элиры показалась вечностью. Его голос, этот низкий, бархатный бас, вибрирующий в самом подкорке страхом и необъяснимым трепетом, все еще звенел в ее ушах. «Страж этого места». Он не сказал «правитель» или «змей». Он назвал себя стражем. И в этом простом, непритязательном слове заключалась целая бездна смыслов, которые ее ум, затуманенный болью и страхом, отчаянно пытался постичь.

Он не двигался, стоя безмолвной статуей, вписанной в архитектуру ледяного лабиринта, как будто был его неотъемлемой частью. Его сапфировые глаза с вертикальными зрачками, сузившимися в слабом свете минералов, изучали ее с холодным, почти научным интересом. Он смотрел не на нее – живую, дышащую, испуганную девушку – а на проблему. На неисправность в безупречном механизме его уединения.

Элира попыталась отползти, прижаться спиной к ледяной стене еще сильнее, но острая, жгучая боль в лодыжке заставила ее вскрикнуть и зажмуриться. Слезы снова выступили на глазах, на этот раз от бессилия. Она была в ловушке вдвойне: в ловушке этого лабиринта и в ловушке присутствия этого... существа.

– Я... я не хотела нарушать... – прошептала она, но голос ее сорвался. Какая разница, чего она хотела? Она была здесь, и это было все, что имело значение.

Он, наконец, сдвинулся с места. Его движение было не шагом, а плавным, бесшумным скольжением. Он не издавал ни единого звука. Ни скрипа снега, ни шороха ткани. Казалось, он не подчиняется законам физики, а существует вне их. Элира инстинктивно вся сжалась, сжимая рукоять ножа так, что костяшки побелели.

Он остановился в паре шагов от нее, и теперь она смогла разглядеть его лучше. Его черты были не просто красивыми – они были идеальными, выточенными из льда и отполированными веками. Ни морщинки, ни шрама, ничего, что говорило бы о прожитой жизни, о боли, о радости. Лицо маска. Но глаза... В этих синих, бездонных глазах жила невыносимая тяжесть. Они были старше самых древних скал, окружавших город, и в них плескалась такая бесконечная усталость, что Элире на мгновение стало не по себе не от страха, а от внезапной, острой жалости.

Его взгляд скользнул вниз, к ее ноге, которая неестественно вывернулась и по ощущениям, уже начинала распухать.

– Ты ранена. – констатировал он. В его голосе не прозвучало ни капли сочувствия. Это было просто наблюдение, равносильное тому, если бы он сказал «здесь лед».

Элира лишь кивнула, не в силах вымолвить слово.

Он медленно, почти неохотно присел на корточки перед ней. Это движение было поразительно грациозным. От него пахло сладковатым, пряным ароматом, напоминающим полынь. Запах магии. Запах чего-то древнего и абсолютно чужого.

– Человеческие кости так хрупки. – произнес он задумчиво, и в его тоне прозвучала не презрительная нотка, а скорее отстраненное удивление, как если бы ученый рассматривал под лупой любопытный, но недолговечный образец.

Его длинные пальцы в черных перчатках лёгким, плавным движением протянулись к ее ноге. Элира отшатнулась, сердце заколотилось в панике.

– Не трогай меня!

Он замер, его рука повисла в воздухе. Его глаза встретились с ее взглядом, и в них мелькнула тень чего-то – возможно, раздражения.

– Твоя нога сломана. Ты не сможешь идти. Ты умрешь здесь от холода и голода, и твое тело станет еще одним безмолвным украшением моего... дома.

Он чуть заметно запнулся на слове «дом», словно оно было ему непривычно.

– Лучше умереть, чем... – начала она, но он ее перебил. Его голос впервые обрел нотку металла.

– Чем быть спасенной монстром? Довольно глупая позиция, особенно для той, что сама пришла в логово этого монстра. Твое любопытство перевесило твой инстинкт самосохранения. Теперь пожинай последствия.

Его слова жгли сильнее, чем холод льда за ее спиной. Они были правдой. Горькой, неудобной, унижительной правдой. Она, такая умная, такая начитанная, совершила глупейшую ошибку, какую только может совершить героиня баллад – отправилась туда, куда не следовало, и поплатилась за это.

Он выпрямился во весь свой внушительный рост, и его тень накрыла ее целиком.

– У тебя есть выбор. Остаться здесь и умереть. Или принять мою помощь и следовать за мной. Решай быстро. Моя щедрость, как и мое терпение, имеет пределы.

Элира смотрела на него, на это прекрасное, безжалостное лицо, на глаза. Что ей было терять? Честь? Она уже потеряла ее, позволив страху одержать верх. Жизнь? Она висела на волоске. Но если она пойдет с ним... она увидит то, что не видел никто. Узнает правду. И в этом был свой горький, опасный шарм.

Она разжала пальцы, и нож с глухим стуком упал на лед. Это была капитуляция. Но также и акт доверия, каким бы дурацким он ни был.

– Я... я пойду с тобой. – тихо сказала она.

Что-то промелькнуло в его глазах – не удовлетворение, не торжество. Скорее... досадливая необходимость. Он снова склонился, и на этот раз его руки обхватили ее. Его прикосновение было таким же холодным, как и все вокруг, но не грубым. Он поднял ее на руки с такой легкостью, словно она была пушинкой. Элира непроизвольно вскрикнула, инстинктивно обвив руками его шею, чтобы не упасть.

Он повернулся и понес ее вглубь лабиринта. Он не сверялся с путем, не колеблясь выбирал повороты. Лабиринт был его домом, его частью. Элира прижалась лицом к его плечу, стараясь не смотреть по сторонам. От его близости кружилась голова. Аромат полыни был теперь повсюду.

Через несколько минут они вышли из лабиринта в огромный, куполообразный грот. И тут Элира застыла, забыв на мгновение и о боли, и о страхе.

Перед ней парил мост. Но это был не мост из камня или дерева. Он был целиком выточен из льда – ажурный, кружевной, перекинутый через бездонную черную пропасть. Он сиял изнутри собственным фосфоресцирующим светом, переливаясь всеми оттенками синего и бирюзового. А по ту сторону моста, в обрамлении исполинских ледяных сталактитов, высились громадные резные ворота, ведущие, как она поняла, в сам замок. Это было не земное строение. Это было видение, ледяная фантазия, рожденная в сознании безумного бога.

Он понес ее по мосту. Его шаги были беззвучными и уверенными. Элира, затаив дыхание, смотрела вниз, в черноту пропасти, и ей казалось, что она парит в самом сердце звездной ночи.

Ворота бесшумно открылись перед ними, как будто приветствуя своего хозяина, и захлопнулись так же тихо, отсекая внешний мир навсегда.

Они оказались в громадном вестибюле. Воздух здесь был теплее, чем в лабиринте, но все еще прохладным. Гигантские колонны, вырезанные в виде спиралей замерзшей воды, уходили ввысь, теряясь в полумраке, где поблескивали хрустальные люстры, сделанные из сосулек при-

чудливой формы. Стены были покрыты барельефами, изображавшими не людей и не зверей, а странные, извивающиеся существа с человеческими торсами и змеиными хвостами. Наги. История народа, запечатленная в вечном льду.

Он прошел через несколько залов, каждый из которых был прекраснее предыдущего. Зал с ледяным фонтаном, где вода, казалось, застыла в момент своего падения; галерея с витражами из цветного льда, отбрасывающими на пол радужные узоры; библиотека с полками, вырубленными прямо в стенах, уставленными свитками и фолиантами в переплетах из бледной кожи.

Наконец, он вошел в небольшую, но уютную комнату. Здесь не было показной, ледящей роскоши. В центре стояла кровать с балдахином из тяжелых, темных, мягко ниспадающих тканей, застеленная мехами. В камине, вырезанном из цельного куска черного обсидиана, пылали настоящие, живые огни, отбрасывая на стены теплые, танцующие тени. Огонь. Здесь, в самом сердце ледяной крепости, горел огонь. Эта деталь поразила Элиру больше, чем все чудеса, виденные ею ранее.

Он бережно уложил ее на кровать. Меха оказались невероятно мягкими и теплыми. Отойдя к резному столику из темного дерева, он налил из хрустального графина воды в такой же кубок и вернулся к ней.

– Пей. – сказал он, и это прозвучало как приказ.

Элира повиновалась. Вода была чистой, ледяной и невероятно вкусной. Он наблюдал за ней, скрестив руки на груди. Его поза была закрытой, отстраненной.

– Теперь о твоей ноге. – произнес он.

Он снова приблизился, и в его руке появился маленький изящный кинжал с рукоятью из черного нефрита. Лезвие блеснуло в свете огня.

Элира отпрянула.

– Что ты собираешься делать?

– Не волнуйся. Я не причиню тебе вреда. Во всяком случае, не больше того, что уже есть.

Его тон был ровным, но в нем не было успокоения. Он просто констатировал факт. Он провел лезвием по краю ее штанины, и ткань бесшумно расползлась, обнажив распухшую, посиневшую лодыжку. Вид был неприятным. Элира сглотнула, чувствуя, как ее тошнит.

Затем он убрал кинжал и снял с пояса маленький серебряный флакон, похожий на те, в которых парфюмеры хранят духи. Он был заполнен жидкостью цвета жидкого лунного камня, которая мягко светила изнутри.

Что это? – спросила она, не в силах сдержать любопытство.

Он на мгновение задержал взгляд на флаконе, и в его глазах промелькнула тень чего-то бесконечно далекого и печального.

– Цена твоего любопытства. И цена моего одиночества. – Он откупорил флакон. Оттуда не исходило никакого запаха. – Это моя кровь.

Элира замерла. Легенды, которые она так любила, ожили прямо перед ней. Кровь нагов. Исцеляющая, дарящая жизнь, ставшая причиной гибели целой расы. И он, последний из них, собирался использовать ее, чтобы спасти ее, простую девушку из города, чьи предки, возможно, охотились на его род.

– Нет... – прошептала она. – Я не могу. Это же...

– Это необходимость. – отрезал он. Его голос стал жестким. – Я не могу позволить тебе остаться калекой. Это вызовет вопросы, если ты когда-нибудь... вернешься. – Он произнес это слово с такой нескрываемой горечью, что стало ясно – он не верил в такую возможность.

Прежде чем она успела что-то сказать, он склонился и капнул одну-единственную сверкающую каплю на ее распухшую лодыжку.

Эффект был мгновенным и ошеломляющим. Разлилось приятное, согревающее тепло, которое быстро сменилось странным, щекочущим холодком, будто ее кожу касались тысячи

снежинок одновременно, мимолётно, невесомо. Боль, мучившая ее все это время, отступила, растворилась, уступив место легкому, приятному онемению. Синяк, темно-багровый и страшный, начал на глазах бледнеть, рассасываться, пока кожа не приобрела свой обычный молочно-белый оттенок. Опухоль спала. Она пошевелила ногой – ни малейшей боли, ни скованности. Это было чудо. Настоящее, живое чудо.

Она смотрела на свою ногу, потом на него, не в силах вымолвить ни слова. Ее глаза наполнились слезами, но на этот раз – от потрясения и благодарности.

– Спасибо. – выдохнула она.

Он смотрел на нее, и его лицо оставалось непроницаемой маской, но в глубине сапфировых глаз, казалось, шевельнулась какая-то тень. Удивление? Недоумение? Он, вероятно, ожидал страха, отвращения, может быть, даже жадности. Но не благодарности.

Он резко отвернулся, словно ее простая благодарность обожгла его.

– Не благодари меня. Это был акт эгоизма, не более. Теперь ты мой пленник. На время.

– Пленник? – Элира приподнялась на локтях.

– Ты знаешь мою тайну. – произнес он, глядя в огонь. Его профиль на фоне пламени казался вырезанным из темного камня. – Ты видела меня. Ты знаешь, что я не человек. И ты испытала на себе силу моей крови. Я не могу просто отпустить тебя, чтобы ты поведала об этом всему своему миру. Охота начнется снова. А я... я последний. Я не позволю им закончить то, что они начали четыреста лет назад.

В его голосе не было угрозы. Была лишь холодная, неумолимая решимость. Решимость выжить любой ценой.

– Я никому не скажу! – воскликнула Элира, искренне веря в это. – Я поклянусь!

Он медленно повернул к ней голову, и его взгляд был безжалостным.

– Клятвы людей для меня ничего не значат. Они уже однажды клялись в вечной дружбе моему народу. А потом пришли с мечами и факелами. Нет. Ты останешься здесь, пока я не решу, что делать с тобой. Пока твое присутствие не перестанет быть угрозой.

Он направился к двери.

– Подожди! – крикнула ему вслед Элира. – Как тебя зовут? У тебя же есть имя?

Он остановился на пороге, не оборачиваясь. Его спина, прямая и неприступная, была красноречивее любых слов.

– Те, кто знал мое имя, давно обратились в прах. Для тебя я – Правитель. Или Змей. Этого достаточно.

И он вышел, за ним бесшумно закрылась массивная дверь, не оставив ни щелочки. Элира услышала тихий, но отчетливый щелчок замка.

Она была спасена. Исцелена. И заперта в самой красивой тюрьме в мире, со стражем, который был воплощенной легендой, прекрасной и ужасающей. Она уронила голову на мягкие меха и закрыла глаза. В ушах у нее все еще звенел его голос, а перед глазами стояли его глаза – бездонные, полные скорби и вечного одиночества. Она боялась. Конечно, боялась. Но сквозь страх пробивалось то самое упрямое любопытство, что привело ее сюда. Кто он на самом деле? И что за история скрывается за этой ледяной маской?

Глава 3

Тени прошлого и шепот настоящего

«Кровь может быть мостом, если пролита не из раны, а из сердца.»

Первые несколько часов в ледяной клетке Элира провела, в нарастающей нервозности. Она осмотрела свою комнату с дотошностью, на которую только была способна. Дверь, массивная и резная, из темного, почти черного дерева, не поддавалась ни нажиму, ни попытке найти замочную скважину. Она казалась частью стены, бесшумной и непроницаемой. Окна, вернее, то, что ими казалось, оказались цельными пластинами идеально прозрачного льда, вмурованными в каменную кладку. Сквозь них открывался головокружительный вид на море облаков, клубящихся внизу, и на острые пики далеких гор, окрашенные заходящим солнцем в кроваво-золотые тона. Было красиво, пустынно и безнадежно. Путь к бегству отсюда отсутствовал напрочь.

Камин был единственным источником тепла и жизни. Дрова в нем горели ровно и ярко, не сгорая до конца, словно поддерживаемые невидимой магией. Элира грела у огня онемевшие пальцы, и ее мысли металась, как пойманная птица, между страхом и любопытством.

Он спас ее. Исцелил. И запер. В голове не укладывалась эта чудовищная последовательность. Легенда, хладнокровная и прекрасная, ходила по соседним залам, и она, Элира, была, возможно, первым живым существом, видевшим его за четыреста лет. Эта мысль вызывала леденящий душу трепет. Что она для него? Назойливая муха, которую по какой-то прихоти не прихлопнули сразу? Заложница? Или нечто большее?

Она вспомнила его глаза. В них не было безумия или садистской жестокости, о которых шептались в городе. В них была бездна. Бездна одиночества и боли, такой старой и глубокой, что ее масштабы было невозможно осознать. Он сказал: «Они уже однажды клялись в вечной дружбе». В его голосе звучала не просто горечь, а выжженная, опустошенная земля, на которой ничего не могло произрасти. Ее собственная, такая острая и новая, жажда жизни сталкивалась с его многовековым, окаменевшим отчаянием.

Когда ее живот заурчал от голода, она с опаской осмотрелась. На резном столике рядом с кроватью стоял серебряный поднос. На нем лежало несколько странных фруктов – бархатистых, лилового цвета, испещренных золотистыми прожилками – ломоть темного, плотного хлеба и кусок белого сыра, от которого исходил легкий аромат дикого меда. И кувшин с водой. Этот поднос появился после непродолжительного сна. Он принес его, пока она спала или возможно поднос появился из ниоткуда по волшебству. Элина не знала. Мысль о том, что он наблюдал за ней, пока она была уязвима, заставила ее похолодеть.

Голод пересилил осторожность. Фрукт на вкус оказался одновременно сладким и терпким, взрывным, как тёплые лучи солнца в этом вечном царстве зимы. Хлеб был сытным, с ореховым привкусом. Еда была прекрасной. Еще один слой противоречий: жестокий правитель, заботящийся о качестве пищи своего пленника.

С наступлением ночи за стенами послышался вой ветра. Он был иным, нежели внизу, в городе. Здесь, на вершине мира, он звучал как песнь одинокого духа, оплакивающего что-то безвозвратно утраченное. Элира забралась под меха, которые оказались невероятно легкими и теплыми, и устала на потолок, где ледяные кристаллы перехватывали и преломляли свет огня, отбрасывая на стены танцующие радужные блики. Она не могла уснуть. Каждый шорох, каждый скрип замерзающего дерева заставлял ее вздрагивать. Он там. Где-то близко.

На следующее «утро» – оно наступало здесь лишь как изменение света за ледяными окнами, сменяющееся с глубокого индиго на бледно-лиловое – дверь бесшумно отворилась.

Он стоял на пороге, и Элира, сидевшая на кровати, инстинктивно отпрянула. Он был снова облачен в черное – на этот раз простые, но безупречно сидящие штаны и длинную, облегающую тунику, перехваченную в талии узким кожаным поясом. Его волосы, черные как смоль, были заплетены в сложную, но строгую косу, лежавшую на плече. Он выглядел как ожившая статуя, холодная и совершенная.

– Ты должна есть. – произнес он, его голос был ровным, без эмоций. Он указал взглядом на поднос, на котором появилась новая порция еды – на этот раз тарелка с горячей овсяной кашей, сдобренной орехами и сушеными ягодами, и дымящаяся чашка травяного чая.

– Я... не голодна. – солгала Элира, горло ее сжалось от нервного спазма.

Одина из его черных бровей едва заметно поползла вверх.

– Ложь – это роскошь, которую ты не можешь себе позволить здесь. Ты дрожишь от холода и слабости. Ешь.

Он вошел и поставил поднос ей на колени. Он не подошел близко, не нарушил ее личное пространство, но само его присутствие заполнило комнату, сделало воздух густым и трудным для дыхания.

Элира, побежденная и голодом, и его неоспоримой логикой, взяла ложку. Каша была горячей, питательной и невероятно вкусной. Она ела медленно, чувствуя, как тепло разливается по телу, под его молчаливым, тяжелым взглядом.

– Почему? – набралась она наконец смелости спросить. – Почему ты меня кормишь? Лечишь? Я всего лишь твой пленник. Ты мог бы бросить меня в темницу на хлебе и воде.

Он скрестил руки на груди, отчего его плечи визуально стали еще шире.

– Темница оскорбляла бы мое чувство прекрасного. А жестокость ради жестокости – удел слабых умов. Ты – незванный гость, нарушивший мое уединение. Но это не значит, что с тобой нужно обращаться, как с животным. Хотя. – его губы тронула едва заметная, холодная усмешка. – Некоторые животные куда благороднее людей.

– Ты ненавидишь нас. – тихо сказала Элира, отставляя тарелку.

– Ненависть – это чувство. Оно требует энергии. У меня ее нет для таких бесполезных трат. Я испытываю... глубочайшее безразличие, подкрепленное историческим опытом. Это куда практичнее.

Она посмотрела на него, и внезапно ее охватила не ярость, а острая жалость.

– Жить четыреста лет в таком одиночестве... Разве это не хуже любой темницы?

Его лицо на мгновение окаменело. Глаза стали похожи на два осколка, словно сапфиры раскололись на тысячи кусочков.

– Не испытывай ко мне жалости, девочка. Ты не имеешь ни малейшего представления о том, о чем говоришь. Мое одиночество – это моя крепость. И ты сейчас находишься по ту сторону ее стен.

– Крепости предназначены для защиты. – не сдавалась она, черпая смелость из его явного раздражения. – От кого ты защищаешься? От меня? Хрупкой девушки, которую ты сам же и спас?

– Не от тебя лично. От того, что ты представляешь. От твоего мира. От твоего любопытства. От твоей... смертности. – Он произнес последнее слово с каким-то странным оттенком, почти что с отвращением.

– Мы не все одинаковы. – возразила Элира.

– Достаточно многих. – парировал он.

Он подошел к окну и встал спиной к ней, глядя на проплывающие внизу облака. Его фигура на фоне ослепительного белого света казалась еще более одинокой и отчужденной.

– Вы, люди, как саранча. Вы рождаетесь, размножаетесь, потребляете и умираете, успев за свой короткий век наломать дров, на разрушение которых у природы уйдут столетия. Ваша жизнь – это вспышка. А вы пытаетесь успеть обжечься ей как можно сильнее.

Элира встала с кровати, ее нога, совершенно здоровая, уверенно держала ее.

– А вы? Наги? Вы что же, просто наблюдали? С высоты своего бессмертия?

Он резко обернулся, и в его глазах вспыхнул настоящий, живой огонь. Впервые она увидела в нем не ледяной покой, а ярость.

– Мы строили! Мы создавали музыку, которая заставляла плакать камни! Мы писали поэмы на воде, и они сохранялись столетиями! Мы лечили ваши болезни, когда вы были еще дикарями, дрожащими у костров! А вы... вы увидели в нас не учителей, а ресурс. Источник вечной жизни. И вы решили его добыть. Вы не похожи на саранчу. Вы гораздо хуже.

Он говорил не крича, но каждое его слово било хлестко, как плеть. Элира почувствовала, как по ее щекам текут горячие слезы. Слезы стыда. Потому что в глубине души она знала, что он прав. Легенды не лгали. Они просто умалчивали о самых ужасных подробностях.

– Я не участвовала в этом. – прошептала она, вытирая лицо.

– Но ты – их потомок. И ты здесь, и в твоих глазах я вижу тот же огонь. Не жадности, нет. Но любопытства. А любопытство, дитя мое – это первый шаг к желанию обладать. Ты хочешь узнать мои секреты. Ты хочешь прикоснуться к легенде. И рано или поздно ты захочешь взять что-то себе.

– Это неправда! – воскликнула она, но в ее голосе прозвучала неуверенность. Разве она не мечтала именно об этом? Узнать, прикоснуться?

Он подошел к ней так близко, что она почувствовала исходящий от него холод. Он был выше ее на целую голову, и ей пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с его взглядом.

– Правда. – тихо сказал он, и его дыхание, пахнувшее инеем, коснулось ее лица. – Ты боишься меня. Но твой страх смешан с восхищением. Ты смотришь на меня и видишь не чудовище, а сказку. И это... это делает тебя опаснее любого охотника с копьем.

Он повернулся и направился к двери. На этот раз его уход казался не просто отступлением, а бегством.

– Меня зовут Элира! – крикнула она ему вслед, чувствуя, что должна хоть что-то противопоставить этой стене молчания. Она не просто «девочка» или «пленник». У нее было имя.

Он остановился, не оборачиваясь. Просто замер на пороге.

– Меня зовут Элира. – повторила она тише, но настойчиво.

Он медленно кивнул, всего один раз, и вышел. Дверь закрылась за ним, но на этот раз щелчка замка не последовало.

Элира осталась стоять посреди комнаты, дрожа от бури эмоций. Он назвал ее опасной. Он видел в ней угрозу. И самое ужасное было то, что она понимала его. После его слов о поэмах на воде и музыке для камней ее сердце разрывалось от боли за его потерянный мир. Ей хотелось доказать ему, что не все люди – воры и убийцы. Что она не такая.

Она подошла к двери и осторожно нажала на нее. Дверь поддалась и бесшумно отворилась.

Ее сердце забилось чаще. Он не запер ее. Это был тест? Доверие? Или новая ловушка?

Она высунула голову в коридор. Он был пуст и уходил в обе стороны, теряясь в полумраке. Воздух был прохладным и неподвижным. Она сделала шаг вперед. Потом еще один. Ее босые ноги ступали по ледяному, отполированному до зеркального блеска полу. Она была свободна. Ну, по крайней мере, свободна в пределах этой ледяной гробницы.

И тогда она услышала. Сначала это был едва уловимый звук, похожий на шелест шелка. Потом к нему присоединились низкие, печальные ноты, похожие на звучание какой-то неземной виолы. Это была музыка. Грустная, бесконечно одинокая и до слез прекрасная.

Она пошла на звук, как мотылек на огонь. Ее страх сменился жгучим, неудержимым желанием узнать его еще чуть-чуть. Увидеть не Правителя, не Стражника, а того, кто мог создавать такую музыку. Того, кто помнил поэмы, написанные на воде.

Музыка вела ее через запутанные лабиринты коридоров, мимо залов с застывшими чудесами, пока она не вышла к полуоткрытой двери, ведущей в огромный зал, который она не видела прежде. Он был круглым, с куполом из чистого льда, сквозь который лился лунный свет, окрашивая все в серебристо-голубые тона.

В центре зала, спиной к ней, сидел он. Нижняя часть его тела, обычно похожая на человеческую, скрытая одеждой или тенью, была теперь открыта. Мощный, покрытый черной чешуей змеиный хвост, переливавшийся в лунном свете тёмно-синими отсветами, был изящно свернут кольцами. Он занимал добрую половину зала. Это было одновременно пугающе и величественно. Он играл на странном инструменте, похожем на арфу, но струны которой были сделаны из застывшего света, а рама – из переплетенных корней серебристого дерева.

Его пальцы скользили по струнам, извлекая ту самую пронзительную мелодию. Его плечи, обычно такие напряженные и прямые, сейчас были ссутулены. Его длинные черные волосы распустились и водопадом спадали на спину. Он не был Правителем. Он был музыкантом. Поэтом. Последним хранителем угасшей цивилизации.

Элира застыла в дверях, боясь пошевелиться, боясь нарушить этот миг хрупкой, неприкрытой правды. Она видела не монстра. Она видела душу. Истерзанную, одинокую, но все еще способную создавать красоту.

И в этот момент она поняла, что он был прав. Она была опасна. Потому что теперь, увидев его таким, она уже никогда не сможет остаться просто пленницей. Теперь она хотела не просто узнать его тайну. Она хотела понять его. И это желание было куда страшнее простого любопытства.

Глава 4

Фрески изо льда и шепот свитков

«Разбитый витраж всё равно пропускает свет. Просто иначе.»

Музыка оборвалась так же внезапно, как и началась. Не потому, что Он услышал ее или увидел отражение в полированном льду стен. Он почувствовал ее присутствие на своей шкуре, словно изменение атмосферного давления. Легкий вибрационный след чужой жизни, вторгшейся в святая святых его скорби. Его пальцы замерли над струнами из застывшего света, и последняя нота растаяла в воздухе, не найдя разрешения.

Он не обернулся. Не двинулся с места. Его спина, гибкая и мощная, оставалась неподвижной, но каждый мускул в ней напрягся, превратившись в стальной канат.

– Любопытство – порок, ведущий к гибели. – произнес он, и его голос, низкий и безжизненный, разнесся под сводами зала. – Разве твои сказки не учат тебя этому?

Элира, застывшая в дверном проеме, почувствовала, как по ее спине пробежал ледяной пот. Она была поймана. Но отступить было уже поздно. Страх приказал ей бежать, но ноги не слушались, прикованные к месту невидимыми цепями того, что она увидела.

– Мне... жаль. – выдохнула она, и ее собственный голос показался ей жалким писком. – Я услышала музыку... Она была такой прекрасной. Я не смогла удержаться.

Он медленно, с змеиной плавностью, развернул к ней верхнюю часть торса. Его лицо было бледным и замкнутым, а в сапфировых глазах бушевала буря. Но это была буря, запертая в глубине ледника – ярость, сдержанная веками дисциплины и отчаяния.

– Прекрасной? – переспросил он, и в его тоне прозвучала ледяная усмешка. – Это не музыка для развлечения, девочка. Это погребальный плач. Реквием по народу, которого больше нет. А ты вломилась сюда, как на праздничное представление.

Его слова обожгли ее, но на этот раз она не опустила голову. Она сделала шаг вперед, ее босые ноги едва ощущали холод полированного пола.

– Я не вломилась. Дверь была открыта. И я не воспринимаю это как представление. Я слышала... боль. Я слышала одиночество. – Она посмотрела на его хвост, на мощные кольца, лежавшие на полу. Он был одновременно пугающим и величественным. Частью его. – Ты не должен это прятать.

Он вздрогнул, словно она ударила его. Его глаза сузились.

– Не должен? – прошипел он, и в его голосе впервые прозвучала настоящая, неконтролируемая эмоция – гнев, смешанный с изумлением. – Ты, существо, чей век – миг, осмеливаешься говорить мне, что я должен? Ты, чьи предки, завидев это, видели лишь кожу для своих доспехов и кровь для своих зелий?

– Мои предки не я! – парировала Элира, и ее собственный гнев начал закипать в ответ на его ярость. – Я выросла на балладах о твоём народе! Я восхищалась ими! Для меня наги – это мудрость, искусство, магия! Не добыча!

– Восхищение – это та же монета, только с иным чеканом. – холодно отрезал он. – И за нее расплачиваются той же ценой. Ты восхищаешься цветком – и срываешь его, чтобы он умер у тебя в вазе. Ты восхищаешься зверем – и вешаешь его голову на стену. Твое восхищение для меня не лучше.

Он отодвинул арфу, и она бесшумно исчезла в тени, словно и не существовала вовсе. Его змеиное тело развернулось, и он приподнялся, возвышаясь над ней. Теперь он снова был Правителем. Ледяным Стражем. Дистанция в несколько футов ощущалась как пропасть.

– Ты получила то, что хотела? Увидела легенду во плоти? Услышала ее «прекрасную» музыку? Теперь можешь возвращаться в свою комнату. Нарушение моего уединения не будет терпимо вновь.

Элира не сдвинулась с места. Она сжала руки в кулаки, чувствуя, как дрожь бежит по ее телу, но не от страха, а от несправедливости.

– Нет.

Один-единственный слог прозвучал в тишине зала с резонансом падающей ледяной глыбы.

Он замер, его брови поползли вверх. Казалось, он не поверил своим ушам.

– Что? – это было тихое, опасное шипение.

– Я сказала – нет. – повторила Элира, поднимая подбородок. Ее зеленые глаза горели решимостью. – Я не вернусь в ту комнату, чтобы сидеть и ждать, пока ты решишь мою судьбу. Ты обвиняешь меня в любопытстве? Хорошо. Я любопытна. Ты говоришь, я хочу обладать? Возможно. Но не твоей кровью или твоей силой. Я хочу обладать знанием. Правдой. Ты хранитель целой цивилизации? Так покажи ее мне! Если ты обречен быть последним, разве твой долг – не оставить память? Или ты просто собираешься сидеть здесь в одиночестве, пока не превратишься в пыль, и твои секреты умрут вместе с тобой?

Она говорила на одном дыхании, ее грудь вздымалась, а щеки пылали. Она переступила грань, и теперь отступать было некуда.

Он смотрел на нее с таким выражением, будто перед ним была не девушка, а невиданное природное явление. Гнев на его лице сменился холодным, аналитическим интересом, а затем... затем в самых глубинах его глаз, словно далекая звезда в ночи, мелькнуло что-то, отдаленно напоминающее уважение. Смелость всегда впечатляла его народ, даже глупая и безрассудная.

Он медленно приблизился, скользя по полу без единого звука. Он остановился так близко, что она снова почувствовала его холод и запах полыни.

– Ты невероятно глупа. – произнес он беззлобно, просто как констатацию факта. – И так же невероятно... жива. Эта вспышка жизни в моем мертвом мире. – Он помедлил, его взгляд скользнул по ее лицу, по непослушным черным кудрям, по горящим глазам. – Ты хочешь правды? Хочешь знаний? Хорошо.

Он повернулся и двинулся к выходу из зала, не оглядываясь, но и не приказывая ей остаться. Это было приглашение. Вызов.

Сердце Элиры бешено заколотилось. Она сделала шаг, потом другой, и пошла за ним, чувствуя себя одновременно маленькой и смелой.

Он привел ее в место, которое она мельком видела в первый день – в библиотеку. Но тогда она была лишь мимолетным впечатлением. Теперь же, войдя внутрь, Элира замерла на пороге, охваченная благоговейным трепетом.

Это была не библиотека в человеческом понимании. Здесь не было полок. Стены от пола до потолка были покрыты нишами, в которых лежали свитки из тончайшей, почти прозрачной кожи, свертки из коры серебристых деревьев и тяжелые фолианты в переплетах из бледной, испещренной венами кожи, которая на вид казалась вечной. Воздух был густым и прохладным, пахнувшим пылью, старой кожей и чем-то еще – сладковатым ароматом сохнувших трав и времени. В центре зала на возвышении стоял огромный круглый стол, вырезанный из цельного куска черного обсидиана.

Он подошел к одной из ниш и с почти религиозной бережностью извлек оттуда свиток. Он развернул его на столе. Элира приблизилась, затаив дыхание. Пергамент был испещрен изящными, текучими знаками, похожими на переплетение змей и языков пламени. Это был язык нагов?

– Это – «Песнь о Рождении Звезд». – его голос стал тише, приобретя оттенок почтительного шепота. – Она была написана за тысячу лет до того, как первый человек научился обрабатывать камень.

Он водил пальцем над знаками, не касаясь их.

– Она рассказывает о том, как наши предки пришли сюда, следуя за падением звезды, и как эта звезда подарила нам магию льда и тени. Ее нельзя перевести на ваш язык. Ваши слова слишком грубы и примитивны, чтобы передать эти смыслы.

Элира смотрела на причудливые письмена, и ее сердце сжималось от восторга и печали. Целая вселенная смыслов была заперта здесь, недоступная никому, кроме него.

– А это? – она указала на огромный фолиант, лежащий отдельно, на каменном пюпитре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.